

Транстихоокеанское партнерство как фактор сдерживания реализации прорывных инициатив по развитию Дальнего Востока: анализ институтов

Михаил Афанасьевич Сорокин
Mikhail Afanasievich Sorokin

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.
Россия. Владивосток.

Vladivostok State University of Economics and Service. Russia. Vladivostok.
канд. экон. наук, начальник отдела магистратуры института подготовки
кадров высшей квалификации

E-mail: sma-ylv@mail.ru. Тел.: 8 423 2404106

ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014

В статье проанализирована динамика численности населения Дальнего Востока России в период с 1970 по 2014 гг. Приведены институциональные меры Правительства России по изменению демографической ситуации, в частности, прорывные проекты. Выявлены и обоснованы риски реализации указанных проектов в связи с созданием Транстихоокеанского партнерства.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, государственное регулирование, экономика Дальнего Востока, территории опережающего развития, свободный порт Владивосток.

Население любой страны является самым главным неисчерпаемым ресурсом государства. Трудовые ресурсы имеют особенность восстанавливаться, накапливаться и приумножаться в виде навыков и компетенций их обладателей. Интеллектуальные ресурсы в эпоху постиндустриального развития являются основной силой роста и развития экономики. Население является носителем платежеспособного спроса на товары и услуги, производимые в стране или экспортируемые из-за рубежа. Несколько лет назад руководство Китайской Народной Республики (КНР) начало переориентацию национальной экономики с экспорта на удовлетворение внутреннего спроса. И не ошиблось – темпы роста экономики КНР остались едва ли не самыми впечатляющими в мире на фоне резкого замедления экономики ведущих держав. Конечно, такой разворот потребовал повышения жизненного уровня значительной части граждан в целях расширения платежеспособного спроса, но что может быть важнее для государства, чем повышение жизненного уровня граждан? Более того, в границах национальной экономики человек может рассматриваться исключительно не как средство производства, как главная производительная сила, но и как цель развития самой нации [1, с. 47].

В Российской Федерации численность населения примерно в 10 раз ниже, чем в КНР. Тем не менее, проблема повышения жизненного уровня также актуальна. Историко-географическая российская предопределенность состоит в наличии огромных территорий, где с одной стороны, плотность населения значительно ниже средней, но с другой – такие территории являются жизненно важными с геополитической точки зрения. Несомненно, Дальний Восток является такой территорией. Более того, здесь сосредоточены значительные запасы минеральных ресурсов. Регион в настоящее время производит 98 % алмазов, 80 % олова, 90 % борного сырья, 60 % рыбы и морепродуктов, 50 % золота, 15 % вольфрама, 13 % древесины.

Численность населения Дальневосточного федерального округа на 01.01.2014 составляла 6,225 млн. человек (менее 5 % численности населения страны). Это самый малонаселенный район страны. Если с 1970 по 1990 г. численность населения увеличилась на 2,225 млн. человек (с 5,870 млн. до 8,060 млн.), то в последующие 25 лет - сократилась на 1,835 млн. человек (рисунок 1).

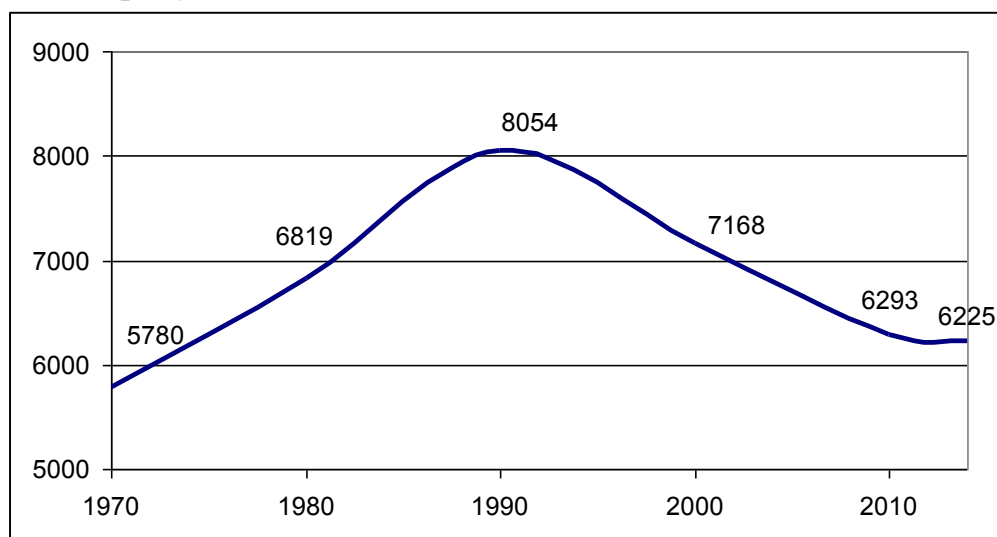

Рис. 1. Динамика численности населения Дальнего Востока России (1970-2014 гг., тыс. чел.)

То есть, численность населения Дальнего Востока России за более чем 20 лет рыночных реформ сократилась на 22,2%, в то время, как за тот же период численность населения России сократилась на 3,7% [2]. Причем, по данным главного научного сотрудника Института социально-политических исследований, д.э.н., профессора Л.Л. Рыбаковского, в снижении численности населения естественная убыль (превышение смертности над рождаемостью) составляет 1/6, а 5/6 – это миграционная убыль [3]. Очевидно, что описанные тенденции изменения численности населения Дальнего Востока в ретроспективе указывают на то, что в основе демографических процессов лежит отношение государства к дальневосточникам. Можно утверждать, что экономические просчеты государства в перестроечные годы уже достаточно глубоко и серьезно

переросли в социальные. Уезжать с Дальнего Востока стало модно. По нашим оценкам, до 50% старшекурсников дальневосточных вузов не связывают свою дальнейшую карьеру с Дальним Востоком. Да что там студенты. Большинство выпускников дальневосточных школ – высокобалльников сразу после получения аттестатов уезжают в центральную Россию.

Нельзя сказать, что в последние несколько лет государство не пыталось переломить негативную тенденцию. Так, например, на Всероссийской конференции «Демографическое развитие Дальнего Востока» (г. Хабаровск, май 2015 г.) министр по развитию Дальнего Востока Александр Галушка отметил, что в 2014 г. отток населения из регионов Дальнего Востока сократился более чем на четверть. Однако, нет никаких оснований экстраполировать тенденцию одного года на весь процесс. Иначе получится, что через 3-4 года население перестанет сокращаться.

Как мы уже отмечали, государством в последние годы предпринимаются значительные попытки в части сохранения и приумножения населения Дальнего Востока. Причем, можно утверждать, что работа в институциональной плоскости идет практически по всем направлениям. Во-первых, утверждена Государственная программа социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года, включающая 12 подпрограмм, с объемом финансирования из федерального бюджета в 3,8 трлн рублей. Во-вторых, целый ряд отраслей дальневосточной экономики и социальной сферы оказались «под крылом» иных государственных программ, например, Государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». В-третьих, по инициативе государства и при его активном участии реализуются крупнейшие и сравнительно дорогостоящие инфраструктурные проекты (развитие г. Владивостока как центра международного сотрудничества в АТР, космодром «Восточный», Дальневосточный федеральный университет и т.д.). Однако, по мнению многих экспертов, успешная реализация подобных, весьма амбициозных планов может натолкнуться на элементарную нехватку рабочей силы. Получается замкнутый круг: население уезжает, для остановки оттока населения генерируются серьезные проекты, реализация этих проектов наталкивается на нехватку рабочей силы в связи с оттоком населения.

Одним из вариантов преодоления указанной ситуации, на наш взгляд, является включение в арсенал институциональных факторов документов сравнительно более низкого уровня, чем, например, государственные программы. Речь идет о территориях опережающего социально-экономического развития и о проекте «Свободный порт Владивосток». Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (Закон о ТОР) вступил в силу 30 марта 2015 г. [4]. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте

Владивосток» (Закон о СПВ) вступил в силу 12 октября 2015 г. [5]. Обратимся к целям указанных законов, ибо уже на уровне цели программы, закона, постановления могут быть потенциально заложены как функции, так и дисфункции эксплицитной нормы (таблица 1).

Таблица 1. Цели создания территорий опережающего социально-экономического развития и Свободного порта Владивосток.

Цели создания территорий опережающего социально-экономического развития*	Цели создания Свободного порта Владивосток**
Формирование благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения	1) Обеспечение взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти Приморского края, органов местного самоуправления, общественности, предпринимателей и инвесторов в целях развития свободного порта Владивосток; 2) использование географических и экономических преимуществ Приморского края как восточных морских ворот Российской Федерации для интеграции в экономическое пространство государств Азиатско-Тихоокеанского региона; 3) развитие международной торговли с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона; 4) создание и развитие производств, основанных на применении современных технологий и ориентированных на выпуск в свободном порту Владивосток конкурентоспособной в государствах Азиатско-Тихоокеанского региона продукции; 5) ускорение социально-экономического развития территории свободного порта Владивосток и повышение уровня жизни населения, проживающего на территории Дальнего Востока.

* абз. 3 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

** п. 2 ст. 1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток».

Отметим, что если в Законе о ТОР указанная цель прописана для самих территорий опережающего социально-экономического развития, то в Законе о СПВ цель создания СПВ отсутствует – указанные выше цели, содержащиеся в п. 2. ст. 1 Закона о СПВ, определяют цели «настоящего Федерального закона». Тем не менее, уже на этапе целеполагания, на наш взгляд, указанные цели содержат признаки дисфункций. Во-первых, не определены временные рамки оценки достижения целей. Если предположить, что согласно указанным законам и ТОР, и СПВ создаются на 70 лет, то и оценку необходимо произвести по прошествии 70 лет, то

есть, в 2085 году. Очевидно, что такой вариант мало приемлем, а другого в указанных законах не прописано. Во-вторых, цели создания ТОР и СПВ прописаны на уровне качественных показателей, но не количественных. Если уровень ускорения социально-экономического развития территории (скорее всего, относительно иных территорий) еще как-то можно оценить, то как оценить, созданы ли комфортные условия для жизнедеятельности населения или нет. Кроме того, население населения - рознь. Например, от плановой девальвации национальной валюты в конце 2014 г. часть населения выиграла (депозиты в иностранных валютах, зарубежная недвижимость, экспортные внешнеторговые сделки и т.п.), а часть – проиграла (ипотечные кредиты в иностранных валютах, заработная плата в национальной валюте и т.д.).

В эксплицитном измерении иных (кроме целей) институциональных факторов оба закона устанавливают особые, льготные условия ведения предпринимательской деятельности в административной, налоговой, миграционной, таможенной и иных сферах. В части таможенного регулирования как Закон о ТОР, так и Закон о СПВ определяют возможность использования таможенной процедуры свободной таможенной зоны. Указанная таможенная процедура изначально является экономической, стимулирующей ввоз сырья и полуфабрикатов и вывоз готовой продукции. За несколько лет до принятия Закона о ТОР и Закона о СПВ на территории г. Владивостока начал функционировать завод автоконцерна «Соллерс», на котором фактически реализована схема таможенной процедуры свободной таможенной зоны.

С принятием вышеназванных федеральных законов бизнесмены Дальнего Востока замерли в некоем ожидании. Особенно потому, что указанные инициативы преподносятся как некая «палочка-выручалочка», своеобразный золотой ключик, способный в одночасье перестроить всю региональную экономическую матрицу в пользу ускоренного развития. Такие настроения хорошо известны автору этих строк, так как ему приходилось не раз бывать на совещаниях, семинарах, круглых столах и подобных мероприятиях с участием предпринимателей, где обсуждались различные вопросы реализации положений указанных законов (причем, в большинстве случаев, на этапе обсуждения проектов). В качестве критики высказывались мнения о действенности предлагаемых мер для реального развития региона. Приводились и примеры о том, что спустя почти полгода после начала работы Закона о ТОР никаких реальных результатов так и нет. Многие говорили о том, что бизнес старается, создает рабочие места, платит налоги, участвует в социальных проектах, но вокруг все те же плохие (или очень плохие) дороги, неоснащенные школы, поликлиники с протекающими крышами, чиновничий беспредел, административное давление и т.д. Однако, оставим подобные феномены для иных исследований и сосредоточимся на тех вызовах и рисках, что возможны в русле реализации указанных законов.

Главной угрозой, на наш взгляд, является фактор создания Транстихоокеанского партнерства (ТТП) во главе с США. Как известно, в ТТП помимо США вошли 11 государств: Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, Чили и Япония. Несмотря на то, что реально указанная интеграционная группировка заработает не раньше 2016 г., уже сейчас можно спрогнозировать некоторые риски для реализации прорывных проектов на Дальнем Востоке, вытекающие из факта ее создания.

Во-первых, Россия, много лет пытавшаяся вступить во Всемирную торговую организацию (ВТО), и значительно трансформировавшая свое внешнеторговое в целом и таможенное, в частности, законодательство, оказалась сейчас в очень сложном положении. Участие России в ВТО сулило не только унификацию и гармонизацию национального регулирования в части приближения к неким общепринятым стандартам, но и возможность влияния на разработку принципов и правил регулирования мировой торговли, а также защиту в случае неправомерных действий отдельных стран. В итоге, новые принципы и правила регулирования мировой торговли обсуждаются без России, а применение к нашей стране санкций, противоречащих духу и букве ВТО, прошло совершенно незамеченным. Кроме того, деловые круги вошедших в ТТР стран в значительной степени «охладели» к проектам на Дальнем Востоке, за исключением добычи нефти и газа. Например, на состоявшемся в сентябре этого года во Владивостоке Восточном экономическом форуме не было подписано ни одного крупного соглашения с представителями бизнеса из стран, вошедших в ТТР [6].

Во-вторых, в основе Транстихоокеанского партнерства заложены совершенно иные подходы, нежели, чем в ВТО. Двенадцать государств мира, генерирующих 45% ВВП и 35% товарооборота планеты, договорились не только создать зону свободной торговли. Речь идет о новых, отличных от ВТО, правилах перемещения рабочей силы, унификации санитарных и фитосанитарных мер, об общей политике в сфере защиты прав интеллектуальной собственности, правительственных закупок и конкурентной политики. Как известно, ни России, ни Индии, ни Китайской Народной Республики (КНР) в ТТП места пока не нашлось. Провозглашенная открытость ТТП на деле означает обязательное выполнение условий ТТП при вхождении новых членов. Таким образом, США придумали новые правила регулирования мировой торговли, с которыми могут согласиться или не согласиться остальные государства. Окажутся ли условия ведения бизнеса на российском Дальнем Востоке в рамках вышеописанных прорывных проектов более привлекательными, чем в рамках ТТР? Весьма сомнительно. Учитывая, что производимые в странах ТТР товары и услуги будут автоматически удовлетворять условиям и стандартам, обеспечивающим им практически беспрепятственное попадание на зарубежные рынки.

В-третьих, создание зоны свободной торговли с 800 миллионами потребителей еще больше отодвинет российские компании от участия в мировых цепочках добавленной стоимости. Так, на Дальнем Востоке в эти цепочки, по большому счету, встроено всего несколько компаний, например, завод уже упоминавшегося международного авто-концерна «Соллерс» и ОАО «Тернейлес». Мы говорим здесь не о перепродаже ресурсов как начале таких цепочек – тогда бы в это число можно было бы зачислить значительное число ресурсо-добывающих предприятий. Не секрет, что ТОРы и СПВ изначально задумывались с прицелом не на российский рынок, а на быстро растущий рынок АТР. В итоге рынок АТР для нас значительно сужается.

В-четвертых, проектом ТТП предполагается унификация правил регулирования рынка труда. В условиях дефицита трудовых ресурсов на Дальнем Востоке привлечение рабочей силы извне виделось эффективным решением. Например, квота для привлечения иностранной рабочей силы только в Приморском крае составляет 15-17 тысяч человек в год. Однако, обязательное установление минимального размера оплаты труда для всех стран-участников ТТП может переориентировать миграционные трудовые потоки не в пользу России. Речь может идти не только о работниках из стран ТТП. С большой долей вероятности работники из других стран, например, из КНР или Узбекистана, предпочтут отправиться на заработки во Вьетнам или Малайзию, нежели, чем в Россию.

В-пятых, отмена в рамках ТТП ввозных таможенных пошлин более чем на 18 тысяч товаров, включая автомобили, способна значительно подорвать конкурентоспособность товаров, производство которых могло бы быть налажено в рамках ТОРов или СПВ. Ведь не секрет, что российская продукция высокой степени переработки зачастую проигрывает именно ценовую конкуренцию на мировых рынках.

Таким образом, создание Транстихоокеанского партнерства способно создать значительные риски проектам развития предпринимательства на Дальнем Востоке России. Более того, согласно ст. 31 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток», положения ст. 22, определяющей особенности осуществления контроля при пропуске лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных в пунктах пропуска свободного порта Владивосток, вступают в силу только в октябре 2016 года. Дальний Восток будет ждать.

Библиографический список

1. Останин В.А. Философия присвоения: монография / В.А. Останин; науч. ред. Ю.В. Рожков. – Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2011. – 300 с.
2. Мотрич Е.Л. Народонаселение Дальнего Востока России: настоящее и будущее. // Вестник ДВО РАН. – 2013. - № 1. с. 29-36.

3. Демографический потенциал Дальнего Востока, его динамика и качество. Официальный сайт Л.Л. Рыбаковского. Режим доступа: <http://rybakovsky.ru/naseleniereg1.html>. Дата обращения: 02.09.2015.
4. Информационно-правовой портал Гарант. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70831204/>. Дата обращения: 10.09.2015.
5. Информационно-правовой портал Гарант. Режим доступа: <http://base.garant.ru/71127418/>. Дата обращения: 10.09.2015.
6. На ВЭФ заключено более 80 инвестконтрактов на 1,3 трлн рублей. Официальный сайт Восточного экономического форума. Режим доступа: <http://www.forumvostok.ru/news/na-vef-zaklyucheno-bolee-80-investkontraktov-na-1-3-trln-rublej.html>. Дата обращения: 09.10.2015.